

Далеко в Янчжоу Линь Жухай внезапно громко чихнул. Слуга поспешно подошел к нему:

— Господин, вы неважно себя чувствуете?

Линь Жухай нахмурился, возвращая себе прежний вид утонченного и благородного мужа, который на мгновение был нарушен этим чихом:

— Все в порядке.

Вернувшись в усадьбу, он обвел взглядом безмолвный двор, помолчал немного и невольно смахнул набежавшую горькую слезу. В доме есть добродетельная жена, есть дети, а сейчас он живет, словно холостяк — ну разве не жалко? Он поднял голову, глядя на луну, и возмечтал о том, чтобы жена и дети поскорее вернулись домой.

Слуга тоже поднял голову. На небе висел серп луны, мерцали редкие звезды, и выглядело это, честно говоря... совершенно обычно. Разве в другие дни не так же? Непонятно, что тут такого особенного. У слуги уже затекла шея, а Линь Жухай все продолжал смотреть на луну. Слуга не выдержал:

— Господин, завтра вечером вид будет точно такой же.

Линь Жухай оглянулся на него, молча вздохнул и, развернувшись, ушел, оставив озадаченного слугу чесывать затылок. Что случилось? Он что-то не то сказал?

Линь Чэнъюй не знал о душевных терзаниях своего старого отца, ему хотелось лишь поесть и лечь спать. Однако матушка Цзя и Цзя Минь, казалось, могли разговаривать бесконечно. Мальчик не сдержался и зевнул, глаза тут же наполнились слезами, и выглядел он при этом крайне жалобно. Линь Чэнъюй был мал и хорош собой, поэтому все девушки, кроме Линь Дайюй, воспринимали его лишь как милого младшего братишку. Даже Ван Сифэн, глядя на него, не могла не проникнуться нежностью, мечтая, чтобы у нее когда-нибудь родился такой же сын.

Заметив, что Линь Чэнъюй клюет носом, Ван Сифэн умилилась. Она переглянулась с девушками, тихонько рассмеялась и произнесла:

— Старая госпожа, уже поздно, а тетушка с дороги устала. Может, пусть они отдохнут, а завтра вы вдоволь наговоритесь?

Матушка Цзя спохватилась:

— И правда, заговорила я с твоей тетушкой и совсем забыла об этом.

Цзя Минь поднялась:

— Матушка, я отведу их отдохнуть, а завтра с утра приду к вам.

Матушка Цзя согласно закивала и велела Юаньян проводить гостей.

Линь Чэньюй, едва коснувшись подушки, провалился в сон и проспал до полудня. Когда он проснулся, Цзя Минь и Линь Дайюй уже ушли к матушке Цзя. После завтрака, который можно было назвать и обедом, он не спеша направился в ту же сторону. Едва переступив порог, он услышал гомон голосов, среди которых громче всех выделялся голос Ван Сифэн. Да уж, недаром ее прозвали Острой Фэн.

Впрочем, ему, мужчине, целыми днями сидеть в женском кругу было скучно — общих тем нет, да еще и постоянно норовят ущипнуть за щеки. Но если он попросится выйти один, Цзя Минь наверняка не разрешит. К счастью, Цзя Баоюй сегодня собирался прогуляться, и Линь Чэньюй решил воспользоваться этим шансом, даже несмотря на то, что этот «каменный болванчик» ему не нравился.

Цзя Минь поначалу сомневалась — дело было не в предвзятости, просто этот племянник выглядел крайне ненадежным, и его вчерашние выходы надолго врезались в память. Но матушка Цзя успокоила ее:

— Не переживай, Баоюй уже взрослый, он присмотрит за Чэньюем, будь спокойна.

Цзя Минь согласилась, но тысячу раз наказала Линь Чэньюю держаться рядом. Тот послушно кивнул. Цзя Баоюй был в восторге, бил себя в грудь и клялся:

— Тетушка, не волнуйтесь, я буду смотреть в оба, не дам брату в обиду.

Однако не прошло и часа, как матушка Цзя и Цзя Минь беседовали, а снаружи вдруг поднялся шум. Не успела Юаньян выйти, как в комнату вбежала перепуганная служанка:

— Старая госпожа, тетушка! Господин Линь пропал!

— Что?! — Цзя Минь в ужасе вскочила. — Что ты сказала о Чэньюе?

Служанка, не смея поднять глаз, уткнулась подбородком в грудь:

— Слуга, ходивший с Бао-эр-е, сказал, что господин Линь исчез.

У Цзя Минь все поплыло перед глазами, в голове словно ударил набат. Линь Дайюй, стараясь сохранять самообладание, спросила:

— Где именно он пропал?

— Бао-эр-е завел его в ресторан, — ответила служанка, — а когда они вышли, на улице было полно народу, и в одно мгновение он исчез.

Матушка Цзя ударила кулаком по столу:

— Немедленно разослать людей на поиски!

Цзя Минь, сгорая от тревоги, сдерживала слезы и приказала отправить на поиски всех слуг, приехавших с ними. Хотя клан Цзя уже не был таким могущественным, как во времена князя-основателя, их влияние еще сохранялось. Ван Сифэн, как только услышала весть, тут же отправила человека за Цзя Лянем. В делах вне дома он был расторопнее. Ван Сифэн молилась лишь о том, чтобы поскорее найти этого маленького предка, иначе она даже боялась представить, какая буря разразится в доме.

Линь Чэнъюй пропал. Живой человек исчез на глазах у толпы. У всех возникло одно подозрение, но никто не решался озвучить его: возможно, его похитили работоторговцы. Вид Цзя Минь был настолько страшен, что в комнате воцарилась гробовая тишина.

Обе усадьбы, Нинго и Жунго, подняли на ноги всех, кого могли. А похититель, взвалив мальчика на плечо, привычным путем принес его в уединенный дворик.

Линь Чэнъюй «вовремя» очнулся и, широко открыв глаза, растерянно спросил:

— Где это я?

Похититель был человеком самой заурядной внешности, из тех, кого в толпе и не заметишь. Знакомые звали его Хромой — одна нога у него была искалечена. Хромой не спеша налил себе воды и выпил залпом:

— Тебе не обязательно знать, где ты. Достаточно знать, что я подыщу тебе новый дом.

Линь Чэнъюй был совсем мал и выглядел абсолютно беззащитным, поэтому Хромой не стал его связывать, будучи уверенным, что справится с ребенком. Видя, что мальчик не кричит и не пытается бежать, Хромой повеселел — не придется применять грубую силу. Но припугнуть все же стоило.

Хромой состроил зверскую гримасу и начал точить короткий нож. Скрипучий звук действовал на нервы:

— Не говори, что я тебя не предупреждал. Если вздумаешь сбежать или выкинуть какой фортель, я этим ножом буду срезать с тебя мясо по кусочку.

Он довольно усмехнулся, представляя эту картину и любясь лезвием:

— С твоей нежной кожей, уверен, ты будешь очень вкусным.

Линь Чэнъюй включил актерское мастерство: его лицо мгновенно исказилось от ужаса, ноги подкосились, он сел на землю и, упираясь ладонями, начал отползать назад, словно увидел перед собой дикого зверя. Хромой удовлетворенно кивнул.

Линь Чэньюй изобразил слабость и беспомощность настолько убедительно, что похититель окончательно потерял бдительность и перевел его в другую комнату. Толкнув дверь, он вошел внутрь, и оттуда тут же послышался тихий плач. Люди, сидевшие в комнате, съежились — они не знали, кого Хромой собирается продать на этот раз. Впрочем, продажа для них была еще шансом на жизнь, больше всего они боялись, что Хромой покалечит их — тогда останется только просить милостыню, а за малую выручку их жестоко избивали.

Хромой хотел было бросить мальчика на пол, но, подумав, что такой красавчик стоит дорого и негоже его ушибать, аккуратно опустил на землю. Он обвел комнату взглядом и рявкнул:

— Сидеть тихо! А если у кого возникнут дурные мысли... — он указал пальцем на съежившуюся в углу фигуру, — он — ваше будущее.

Линь Чэньюй посмотрел туда и увидел, что ноги этого человека вывернуты под неестественным углом. Он был калекой.

<http://bllate.org/book/20882/2111131>